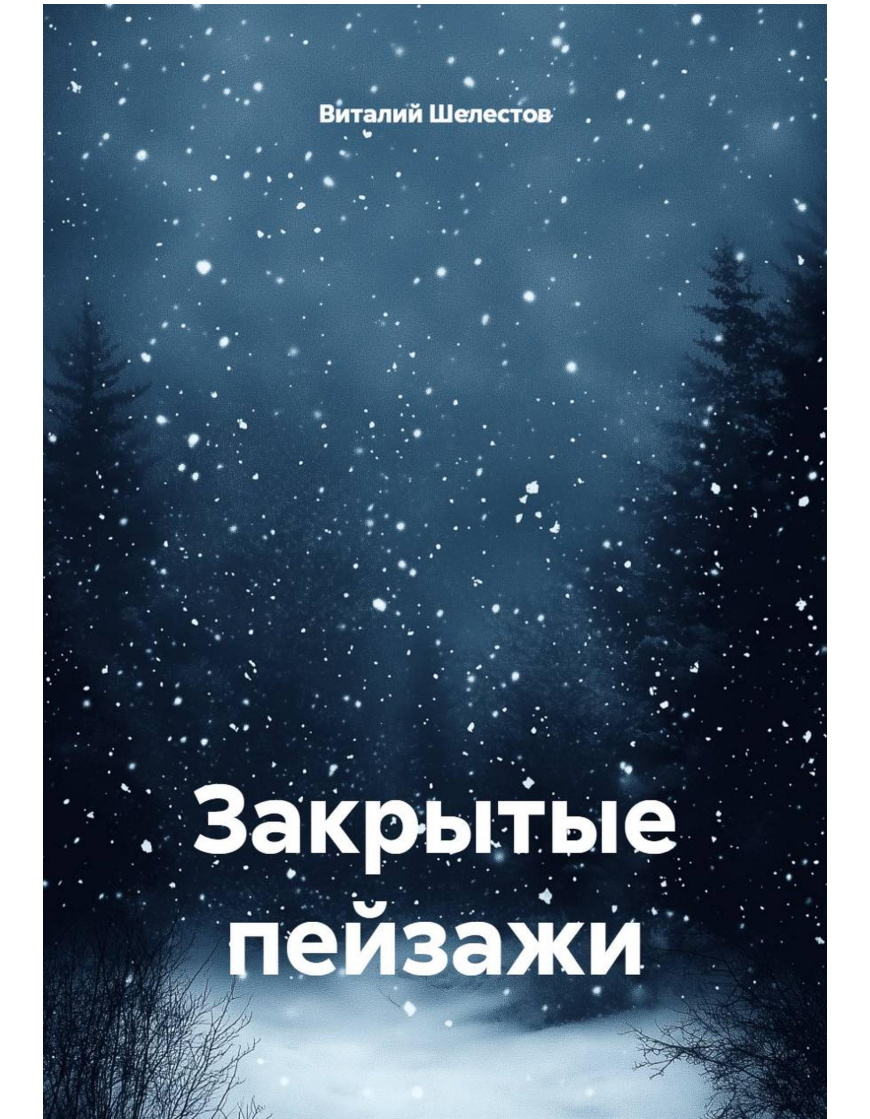

The background of the entire page is a dark blue, almost black, night sky. It is filled with numerous small, white, out-of-focus dots that resemble falling snow or distant stars. The dots are more concentrated in the upper half and become sparser towards the bottom. On the left and right sides, the dark silhouettes of evergreen trees are visible, their branches reaching upwards. At the very bottom, there is a thin, horizontal band of white, suggesting a snowy ground or a layer of clouds.

Виталий Шелестов

Закрытые пейзажи

Виталий Шелестов

Закрытые пейзажи

<https://litres.ru/74644549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман о талантливом художнике, пытающемся найти себя не только в творчестве, но и в условиях современной непростой жизни.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Виталий Шелестов

Закрытые пейзажи

Глава 1

Отступник.

Четверо артельщиков в робах и телогрейках защитного цвета, наигранно пыхтя и отдуваясь, опустили на веревках в продолговатую яму обитый кумачом ящик и ловкими движениями выдернули эти веревки из-под него. Затем их бригадир, лохматый верзила с грудью нараспашку, стараясь придать, насколько это возможно, кротости своему хриплому баритону, проговорил:

— Родные и близкие — по горсти земли...

Цепочка людей медленно двинулась вдоль одной из насыпей, по ходу нагибаясь к ней и осторожно выбирая полузамерзшие комки рыжей супеси, чтобы тут же перебросить их в яму. Послышались гулкие удары по сосновым доскам, и многие вздрагивали от этих звуков; казалось, будто они раздаются изнутри самого ящика, словно то, что там теперь лежало, хотело еще напоследок что-то сообщить или высказать по эту сторону бытия.

Подошел к насыпи и Артур. Склонился, подцепил ладо-

нюю горсть землицы и, будто стыдясь чего-то, неторопливо качнул всей рукой вперед, выпустив рассыпчатый комок в яму. Ему вдруг почудилось, что все собравшиеся здесь глаза на него с молчаливым осуждением. И хотя он знал, что это вовсе не так, всё равно было не по себе. Артур поспешил отойти в сторонку, где и старался находиться до сих пор.

Артельщики, слегка выдержав положенное, однако не дожидаясь, пока все отдадут долг этому печальному обряду, постепенно включились в дело и принялись четко орудовать лопатами, быстро скрывая с поля зрения гроб под возрастающей толщей земли. Всё это время, не переставая, крохотный оркестр заунывно выводил классические аккорды уставшего от жизни реквиема, давившего на нервную систему почище любой непогоды. Артур почти с ненавистью поглядывал на этих ленивых и ко всему равнодушных полуманекенов, раздувающих щеки, словно медленно жующие хомяки. Ему почему-то казалось, что они действительно не люди, а кучка демонов, созданных неизвестно кем, чтобы своей тошнотворной мелодией навеки усыпить пару десятков человек, безмолвно застывших в этом неуютном кладбищенском уголке. С каким удовольствием он составил бы компанию могильщикам, чтобы поскорее завершить эту разъедающую всё нутро процедуру – стоять без движения и молча ждать, пока на месте четырехугольной ямины не появится холмик с венками и можно будет с облегчением покинуть это место! Атмосфера погребения действовала настолько удручающе, что,

казалось, еще немного — и он повалится в снег с готовностью усталого колодника, лишь бы не слышать и не видеть никого и ничего вокруг.

Наконец свежевозделанная могила приняла подобающий ей вид, и тоскливый оркестровый рёв оборвался. Все медленно потянулись к поджидающим неподалеку «пазикам». Сырой февральский туман пробирал до костей, усиливая и без того депрессивную обстановку, и посему в людских действиях ощущалась нарастающая лихорадочная тяга к теплу и общению, чем традиционно располагал в себе или при себе поминальный стол.

Артур для приличия подождал задержавшуюся у могилы близкую родню покойной, сунул в заскорузлую лапищу бригадира несколько хрустящих бумажек и двинулся, наконец, вслед за всеми, замыкая общую нестройную процессию. Наскоро прикурил на ходу и торопливо затягивался, пока шел к автобусам.

— Артуша... Мужикам дал? — озабоченно повернулась к нему двоюродная тетка Полина.

Он кивнул и, швырнув окурок в снег, поднялся в застывший салон «пазика». Обшарпанные дверки с натугой лягнули за его спиной, и водитель с моржовыми усищами принялся заводить непослушный двигатель, терпеливо прислушиваясь к его старческому кряхтению. Артур огляделся и, не найдя свободного места, уселся прямо на деревянные брусья в проходе посреди салона, где еще недавно стоял теткин

гроб. Поймал на себе укоризненный взгляд какой-то бабуси, рассеившейся за двоих на одной из обитых драным дерматином скамеечек, и неподвижно уставился перед собой. Автобус завелся и медленно тронулся следом за двумя другими, возвращаясь по аллее мимо холмиков с венками и крестами к центральному входу на городское кладбище.

Ехать предстояло около часа, и пока кортеж двигался мимо пригородных селений, а затем уличных магистралей, Артур всё время ощущал на себе, только абсолютно реально, чей-то неотрывный взор. Только не бабусин, а гораздо более знакомый и словно бы налитый глубинной ненавистью, так хорошо в последние годы им прочувствованной. Разумеется, обернуться и посмотреть, из чьих глубин она проглядывалась, не составляло труда. Но это роняло его в собственных глазах, не говоря о том, что в глазах заспинного недоброжелателя он мог выглядеть таким образом в чём-то виноватым (а уж тут-то Артура упрекнуть, по его мнению, было не в чём). К тому же отнюдь не являлось тайной, кто же сейчас так неотступно и осуждающе буравит его глазами. Он решил проверить свои догадки при выходе из автобуса, хотя особым энтузиазмом при этом не горел – ему давно уже было наплевать на родственную опалу; с ролью паршивой овцы Артур свyksя ещё в детские годы.

... Вот уже несколько лет он не поддерживал с роднёй почти никаких связей. И не потому, что могла иметь место какая-то крупная ссора. Скорее наоборот, Артур, сколько пом-

нил себя, ни разу со своей стороны не давал повода к чему-либо подобному, в то время как внутрифамильные распри между отдельными представителями семейных кланов вспыхивали вот уже на протяжении нескольких десятков лет с незавидным постоянством и, как правило – без веских на то оснований. Эта черта характера – природная склонность – досталась Петелиным в наследство от бабки, Клавдии Семеновны, в девичестве Коломейко, натуры по-своему значительной, однако всякий раз терпящей фиаско рядом с главой семейства Георгием Макаровичем, личностью в свое время достаточно властной и авторитетной. Живи он в наши дни, размышлял Артур, сидя на гробовых станинах, его крутизна ценилась бы достаточно высоко среди теперешних воротил. Ветеран Великой Отечественной, кавалер орденов Славы и Красной Звезды, обладатель двух медальных рядов на парадном кителе, дед был помимо всего прочего человеком образованным и разносторонним. Подобно большинству ветеранов, вёл широкую общественную жизнь, принимая иной раз таких гостей, что баба Клава, едва обученная грамоте уроженка мазанного нижнеднепровской глиной хутора, и помыслить не могла, чтобы раскрыть слишком широко в присутствии тех свою объемистую гортань. Исключения, конечно, были, и заканчивались они, как правило, кратковременным паломничеством деда в места обитания своих повзрослевших и давно обзаведенных семьями отпрысков (а их было четверо), раскиданных прихотью судьбы и не только её в

разных точках города. Обзванивая все эти точки и убедившись, что в одной из них нашел временное пристанище её захмелевший от расстройств венценосный супруг, баба Клава успокаивалась и терпеливо дожидалась неизбежного примирения – возвращения деда обратно, смущенного, но нераскаившегося.

Так продолжалось до тех пор, пока три фронтовых ранения и прогрессирующий алкоголизм не свели Георгия Макаровича Петелина в могилу раньше отпущенного природой срока. Бразды правления оказались в прочных и натруженных руках суровой вдовы. Большинство фамильных традиций, согласно которым Петелины дружно собирались на праздники и юбилеи, как-то сами собой отошли в историю. Грызня по поводу дележа дачного участка на берегу озера и гаража с «жигулёнком», числившихся за покойным дедом, приобрела масштабные размеры и затянулась на длительный срок, как и большинство династических распрей во все времена человечества. Лишь Светлана Георгиевна, мать Артура, будучи падчерицей у бабы Клавды, хотя и родной дочерью Георгия Макаровича, прижитой им от другой женщины в военные годы (женщина та, насколько было известно, погибла при бомбежке), не участвовала в том перетягивании наследственного воза; Клавдия Семеновна с первых дней своего вдовства всяческими способами давала понять ей и Артуру, где им отныне надлежит быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.